

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИИ ВЕРТИКАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ ПОГРЕБАЛЬНОГО РИТУАЛА НА ТЕРРИТОРИИ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ В ЭПОХУ БРОНЗЫ

Пути формирования и трансформации традиции вертикальной направленности погребального ритуала в среде андроновского населения, по-видимому, имели отношение к захоронению воинов. В синташтинских и петровских погребальных комплексах эта традиция была связана с захоронением воинов-колесничих. Образ погребальной колесницы передавался помещением частей реальной колесницы. Со временем образ колесницы становится все более символичным. Условно можно выделить два основных направления символизации. Первый вариант представлен материалами андроновского (федоровского) могильника Самара и карасукскими памятниками, где изображения лошади или колесниц наносились на плиты оградки или погребального сооружения. Второй вариант представлен андроновскими (федоровскими) погребениями с вертикально установленными деревянными столбами. Образ колесницы утрачивает сходство с реальным объектом и приобретает вид жертвенного столба, на вершине которого укреплялось колесо или его символ. Возможен и другой вариант толкования, учитывающий связь погребений с вертикально установленными столбами и обрядом кремации. Не исключено, что в ходе ритуала имела место антропоморфизация столба с помощью реальных вещей, что получило дальнейшее развитие в ирменских камнях-obelisks и оленных камнях.

Ключевые слова: евразийские степи, эпоха бронзы, памятники синташтинского, петровского типа, андроновская (федоровская) культура, карасукская культура, ирменская культура, погребальный обряд, колесница, кремация.

DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-06

Введение

В эпоху бронзы формирование традиции вертикальной направленности погребального ритуала происходило на территории евразийских степей достаточно активно. Наиболее ярким примером может служить появление курганного способа захоронения, характерного для населения многих культур этого периода. Но курганы не были единственной формой выражения идеи вертикали в погребальном ритуале, у населения каждой культуры существовали свои неповторимые пути развития этой традиции и ее воплощения в ритуале. Поэтому представляет определенный интерес выяснение истоков традиции вертикальной направленности погребального ритуала в среде андроновского населения. Не исключено, что она восходит еще к синташтинской традиции, генетически предшествующей собственно андроновской.

Образ колесницы и формирование традиции вертикальной направленности погребального ритуала (памятники синташтинского и петровского типа)

Отличительной чертой синташтинского погребального ритуала, представленного прежде всего в Синташтинском большом грунтовом могильнике, является захоронение одной или нескольких пар целых костяков лошадей на перекрытии или в верхнем заполнении погребальной камеры [Генинг и др., 1992, с. 113, 119–121, 123–125, 127–128, 135, 144, 149, 162–163, 167, 180–181, 183, 200, 207]. Захоронения пар лошадей на перекрытии отчетливо противопоставлены находкам лошадей на дне могильных ям, где кости коней, как правило, представлены ритуальными комплексами, состоящими из черепов и костей ног. В ряде случаев на черепах или рядом с ними обнаружены пса-

лии. В некоторых погребениях сохранились также канавки для установки колес от колесницы. С определенной долей вероятности можно предположить, что парные захоронения целых костяков лошадей на перекрытии и ритуальные комплексы из черепов и костей ног лошадей на дне могил являются следами двух разных ритуалов, входящих в погребально-поминальный цикл. Это подтверждается материалами ряда погребений Синташтинского большого грунтового могильника, где в одних зафиксированы следы обоих ритуалов (погребения 4, 5), а в других – лишь одного из них [Генинг и др., 1992, с. 113, 120–121, 123–135, 137–140, 144–149, 155–161, 200, 207–214].

Различные исследователи неоднократно сравнивали котлован могильной ямы в таких погребальных комплексах с кузовом колесницы, запряженной парой коней, которая движется вверх, чтобы достичь неба [Кукушкин, 2006б, с. 61, 63, 65; Зданович, Куприянова, 2010, с. 148]. Дно могилы, где размещался сам умерший с колесничным инвентарем, являлось, вероятно, символическим воплощением кузова колесницы. Пара лошадей, которая располагалась над погребенным (на перекрытии или в верхнем заполнении могилы), символизировала, по-видимому, саму запряжку.

Данная традиция осмысления могильной ямы как повозки существовала уже в предшествующее время у катакомбных групп населения, что представляет для нас несомненный интерес, так как многие исследователи предполагают участие катакомбного населения в формировании памятников синташтинского типа. А.Н. Гей считает, что в раннекатакомбных памятниках Предкавказья, наряду с осмыслением входной шахты как вместилища реальной или символической повозки, получает развитие и идея отождествления камеры катакомбы с крытой кибиткой, в пространстве которой умершие располагались в соответствии со схемой «три постели». В более поздних манычских катакомбных культурах схема «трех постелей» деградирует, что, по мнению исследователя, свидетельствует о формировании новой парадигмы, согласно которой символическим воплощением крытой повозки-кибитки выступает уже не камера, а вся катакомба в целом. Камера мыслится как крытая часть кузова со сводчатым верхом, где и лежит покойник, обращенный лицом по направлению движения. Входная шахта рассматривается как место размещения символической запряжки, о чем свидетельствует обычай размещения именно во входных шахтах западноманычских катакомб костей двух-четырёх быков. Как отмечает А.Н. Гей [1999, с. 97–99], именно в катакомбных могилах западноманычской и восточноманычской катакомбных культур «... мы сталкиваемся с наиболее выработанной, законченной и в то же время оторванной от физической реальности и превращенной в символ, а потому и не распознанной до сих пор формулой, предусматривающей полное отождествление погребального сооружения и повозки».

Дальнейшую тенденцию развития данного символического образа мы имеем в синташтинских и петровских погребальных комплексах, в которых место повозки занимает колесница. В то же время на основании материалов Синташтинского большого грунтового могильника можно прийти к заключению, что данная традиция находилась еще в стадии формирования и поисков средств выражения. Об этом свидетельствуют прежде всего те погребения, где остатки полной упряжки (колесничего, колесницы и коней), составленной из частей, локализируются только на дне могилы (№30 и др.). Вектор ритуала в данном случае разворачивается в основном в горизонтальной плоскости.

Особого рассмотрения требуют синташтинские погребения, на дне которых размещалась полная упряжка, составленная из частей, а в верхнем заполнении – парное захоронение целых костяков коней. Так, в погребении 4 Синташтинского большого грунтового могильника на перекрытии размещались четыре туши коней, а на дне ямы зафиксированы два параллельных углубления для колес и два черепа лошадей. В погребении 5 на перекрытии размещалось попарно шесть туш коней, а на дне обнаружены два параллельных углубления для колес и два черепа, кости ног лошадей. Рядом с черепами сохранились остатки уздечки с костяными псалиями и застежками [Генинг и др., 1992, с. 125–126, 132–135]. Такую традицию можно определить как «колесница в колеснице», причем аналогичная ситуация отмечена для катакомбных памятников, где встречаются находки «повозки в повозке» (помещение в некоторых случаях реальных повозок в шахтах и камерах самих катакомб). Возникновение подобной ситуации А.Н. Гей определяет как «ритуальный алогизм» и предлагает объяснение, обращаясь прежде всего к хеттской традиции. При похоронах хеттского царя особая роль принадлежала двум повозкам, на одной из которых транспортировали к месту погребения тело умершего, а на другой везли его изображение. Опираясь на эту аналогию, исследователь приходит к выводу, что лиц наивысшего социального ранга в катакомбном обществе также хоронили с двумя повозками – символической и реальной [Гей, 1999, с. 102]. Подобное объяснение в определенной степени можно распространить и на синташтинские захоронения. Составленный из костей умершего и частей реальной колесницы образ колесничего помещался на дно могилы, в кузов символической колесницы, упряжкой для которой служила пара целых костяков лошадей в верхнем заполнении ямы.

В памятниках петровского типа наблюдается дальнейшее развитие традиции, связанной с символической колесницей (что является дополнительным подтверждением точки зрения тех исследователей, которые считают, что синташтинские памятники в большинстве случаев предшествуют петровским). Парные захоронения лошадей помещаются уже не в могильную яму, а выше – на дневную поверхность, нередко даже на специально насыпанную глинистую или зольную площадку, расположенную рядом с могильной ямой. Впоследствии эта площадка перекрывалась насыпью кургана (Берлик-II, Аксайман, Аяпберген, Нуртай, Ащису) [Зданович Г.Б., 1988, с. 73–76, 78–81; Ткачев, 2002, ч. 1, с. 158; Кукушкин, 2006а, с. 48; 2006б, с. 50, 59–65]. Такая площадка могла служить в ритуале границей между мирами. Таким образом, прослеживая линию развития традиции, связанной с символической колесницей, следует отметить, что вектор ритуала постепенно смещается от горизонтальной проекции к вертикальной. Подобный образ колесницы вполне мог рассматриваться как вариант мировой оси, где могильная яма соотносится с нижним миром, дневная поверхность – со средним, ритуальная площадка и насыпь – с верхним. По этой оси душа умершего, дары и просьбы жертвователей достигали обители богов и предков.

Образ колесницы и развитие традиции вертикальной направленности погребального ритуала: андроновская (федоровская) культура

Синташтинско-петровская традиция использования образа погребальной колесницы для передачи идеи вертикальной направленности ритуала позже нашла свое продолжение в андроновских (федоровских) комплексах. В могильнике Самара (Центральный Казахстан) представляет интерес ограда №3, которая имела округлую фор-

му и диаметр 4,4 м. На южной плите ограды (с внешней стороны) обнаружен петроглиф – изображение лошади и округлого тамгообразного знака неясного характера. В центре ограды находилась могильная яма, в которую впущен каменный ящик, содержащий остатки кремации. Могила ограблена, в заполнении ящика найдены фрагмент керамики без орнамента, обломок бронзовой подвески в 1,5 оборота, обтянутой золотой фольгой, каменный курант [Ткачев, 2002, ч. 2, с. 58]. При интерпретации данного погребального сооружения следует учитывать два обстоятельства. Во-первых, плита с изображением лошади находилась практически напротив торцевой юго-западной стенки ящика, а в андроновских погребениях с труположением умершие, как правило, ориентированы головой на ЮЗ. Следовательно, изображение лошади нанесено напротив головной части могилы. Во-вторых, изображение лошади нанесено с внешней стороны оградки. В таком случае погребальный комплекс ограды №3 также может рассматриваться как символический образ колесницы. Кузовом колесницы является погребальная камера, но вместо костяков коней, располагавшихся рядом с могилой, на внешней стороне оградки нанесено изображение лошади.

Относительно датировки и культурной привязки данного погребения мнения исследователей расходятся. А.А. Ткачев [2002, ч. 2, с. 64] относит этот могильник к памятникам нуринского (федоровского) типа. И.В. Ковтун считает, что в могиле нет ничего, что подтверждало или опровергало бы андроновскую принадлежность данного погребения. Он считает, что стилистические особенности изображения лошади «появляются не ранее финала II тыс. до н.э., а скорее на рубеже II–I тыс. до н.э. – в первых веках I тыс. до н.э. Следовательно, либо погребение в ограде №3 андроновское, но синхронно указанному периоду, что маловероятно, либо рисунки принадлежат постандроновской культуре. Наконец плита с рисунками могла переиспользоваться «андроновцами» (?) при сооружении захоронения. Правда, в этом случае хронология андроновского комплекса могильника Самара перестает укладываться в общепринятую периодизационную последовательность степных культур эпохи бронзы Северо-Западной Азии» [Ковтун, 2008, с. 95].

С мнением И.В. Ковтуна относительно неопределенной культурной принадлежности погребения из ограды №3 трудно согласиться. В этом погребении сочетаются две традиции – федоровская (обряд кремации) и алакульская (бронзовые подвески в 1,5 оборота, покрытые золотой фольгой). Сочетание таких признаков характерно для погребений с кремацией из некоторых федоровских могильников лесостепного Алтая. Так, в могильнике Фирсово-XIV в могиле 104 обнаружены остатки кремации и четыре подвески в 1,5 оборота. Могила 222 этого могильника представляла собой биритуальное захоронение. Костяк мужчины 20–25 лет находился в скорченном положении, на левом боку, перед лицевой частью его черепа размещались остатки кремации. Сверху на кремированных останках лежали четыре бронзовых браслета, два биспиральных бронзовых кольца, восемь подвесок в 1,5 оборота и другие украшения [Блохин, 1997, с. 51–52]. Более того, на территории лесостепного Алтая и Восточного Казахстана имеется целый ряд федоровских могильников, в которых представлены различные украшения алакульского типа [Сотникова, 2006, с. 83–84]. Однако наиболее выразительная картина зафиксирована на территории Южного Зауралья в могильнике Кулевчи-VI [Виноградов, 1984, с. 142–145]. Могила 2 кургана №3, керамика из которой имеет алакульско-федоровский облик, содержала два скопления кальцинирован-

ных костей в сопровождении украшений, в том числе алакульского типа, среди которых были и подвески в 1,5 оборота. Таким образом, вероятно, следует согласиться с мнением А.А. Ткачева о нуринской (федоровской) принадлежности погребения из могильника Самара, но следует уточнить, что в материалах погребения нашли отражение контакты алакульского и федоровского населения.

Материалы андроновской (федоровской) ограда №3 могильника Самара свидетельствуют о том, что синташтинско-петровская традиция захоронения воина-колесничего в сопровождении колесницы со временем не исчезает, но приобретает все более символический характер. Кроме того, заслуживает особого внимания способ погребения умершего в этой ограде – кремация.

***Андроновские (федоровские) погребения
с вертикально установленными объектами и обряд кремации***

Андроновские (федоровские) могильники широко представлены как в западных, так и в восточных районах распространения андроновского населения. В некоторых федоровских могильниках (прежде всего восточных районов) имеются погребения, содержащие вертикально установленные объекты, чаще из дерева, реже из камня, не связанные функционально с конструкцией внутримогильного сооружения. Деревянные столбы опирались нижним концом на перекрытие камер, а верхним выходили на уровень древней поверхности. Первая сводка подобных сооружений была сделана в статье С.А. Рахимова [1968, с. 74]. В.В. Бобров в работе 1992 г. вновь обратился к проблеме вертикально установленных объектов, таких как деревянные столбы и камни-obelisks, в погребениях эпохи бронзы Казахстана и юга Западной Сибири. Он рассматривает проявление этой традиции в памятниках андроновской, ирменской, бегазы-дандыбаевской культур и приходит к выводу, что андроновские и поздне-бронзовые деревянные столбы и камни-obelisks объединяет ряд общих признаков: вертикальная установка объекта, расположение около головы погребенного, связь с мужскими захоронениями. «Это позволяет утверждать существование между ними генетической преемственности, в основе которой лежит общая мировоззренческая идея. В семантическом контексте погребального сооружения вертикальные объекты могли олицетворять трехчленность мира и, возможно, выполняли коммуникативную функцию. Но, скорее всего, заложенная в них идея полисемантическая» [Бобров, 1992, с. 56–57].

В работе Д.Г. Савинова и В.В. Боброва, вышедшей в 1995 г., сделана попытка выделить признаки, характерные для андроновских (федоровских) погребений Кузнецкой котловины, содержащих остатки кремации. Одним из таких признаков названо заполнение могильных ям материковым грунтом. Другим специфическим признаком является конструкция внутримогильной рамы из бревен. Принцип сооружения рам «в паз» связан только с погребениями по обряду кремации. Имеются отличия и в характере перекрытия. В могилах с кремацией перекрытие сплошное и однородное по размерам плаха, в могилах с труположением мощное перекрытие располагается над головой погребенного, а в ногах оно отсутствует или сделано из жердей и тонких досок [Савинов, Бобров, 1995, с. 88]. Остановимся на характеристике только одной категории андроновских (федоровских) погребений с кремацией, а именно той, которая содержала вертикально установленные столбы, и попытаемся дать интерпретацию этого ритуала.

Подобные погребения широко представлены в Кузнецкой котловине. В могильнике Ур в погребении кургана №8 при выборке пятна обнаружен деревянный столбик. Захоронение совершено в одновенцовом срубе с поперечным перекрытием, под настилом – скопление кальцинированных костей. В кургане №10 обнаружены два погребения по обряду кремации. В западной части погребений прослежены остатки поперечного перекрытия, у самого края одной из могил (?) находился вертикальный столб высотой 1,2 м, вбитый в дно ямы и возвышавшийся на 10 см выше настила. На дне погребений – берестяные подстилки, на них – остатки кальцинированных костей. В кургане №11 также обнаружены две могилы с остатками кремации. В западной части могилы 1 «на поперечном бревнышке укреплены два столбика... высотой один 25 см, другой 32 см». После удаления настила между двумя вертикально установленными столбиками был найден горшок с небольшим количеством пепла и сожженных костей человека. В могиле 2 «в западной части на поперечном бревнышке укреплен столбик, сильно истлевший, высотой 20 см». Под настилом обнаружены сильно расколотый небольшой сосуд и остатки кальцинированных костей [Ковтун, 1994, с. 123–125]. В могильнике Юрман-I в кургане №1 находились две могилы, в каждой – по два скопления кремированных костей, что свидетельствует о захоронении двух людей, и по два столба. В могиле из кургана №3 обнаружено одно скопление кальцинированных костей и, соответственно, один столб. Все столбы имели диаметр 15–20 см и опирались нижним концом на перекрытие камер. Верхняя часть столбов, судя по сохранившимся остаткам, выходила на уровень древней поверхности [Савинов, Бобров, 1995, с. 84–85]. В могильнике Танай-I в погребении 1 из кургана №7, содержащем остатки кремации, в юго-западной части (под перекрытием) вертикально располагался столб диаметром 0,06 м. В кургане №10 зафиксированы три погребения с кремацией и вертикально установленными столбами. В могиле 2 над перекрытием вертикально установлен столб длиной 1,02 м, диаметром 0,08 м, который возвышался над уровнем материка на 0,12 м. В могиле 3, ближе к юго-западной стенке, зафиксированы два параллельно расположенных столба. Они вертикально уходили вглубь могилы до перекрытия, их верхние части были выше материка на 0,15–0,18 м. На дне могилы обнаружены два скопления кальцинированных костей, что позволило предполагать, что в ней захоронены останки двух человек. В могиле 4, ближе к центру, зафиксированы остатки двух вертикальных столбов, которые уходили вглубь до перекрытия. Верхняя часть столбов возвышалась над материком на 0,18 м. В могиле находилось два скопления кальцинированных костей, что свидетельствует о захоронении двух человек по обряду кремации. В погребении кургана №2 могильника Титово, содержащем остатки кремации, деревянная рама внутримогильного сооружения была перекрыта поперек восемью горбылями. От первого, расколотого вдоль бревна перекрытия, на поверхность выходил сук. Он возвышался, как столбик, над уровнем материка на 0,12 м в юго-западной части могилы по ее центральной оси [Бобров, Михайлов, 1989, с. 12, 22–23, 25–26]. В Минусинской котловине в могильнике Ланин Лог подобные захоронения с кремацией обнаружены в двух погребениях из кургана №1. В юго-западном углу могилы 1 следы деревянного столба диаметром 6–8 см фиксировались на глубине от 20 до 40 см от погребенной почвы, нижняя часть доходила до перекрытия. В могиле 3 прослежены остатки вертикально установленного столбика диаметром 10–12 см, верхняя часть которого начиналась с глубины 40 см, а нижняя доходила

до перекрытия сруба [Рахимов, 1968, с. 72, 74]. В могильнике Боровое (Северный Казахстан) в погребении из ограды №8 у северо-западной стенки ямы на глубине 0,8 м от поверхности обнаружены два вертикально расположенных деревянных столбика, а на дне у северо-восточной стенки – слой пережженных костей человека [Оразбаев, 1958, с. 235]. В Южном Зауралье в могильнике Сухомесовский погребение из кургана №7 содержало захоронение по обряду кремации. При выборке могильного пятна «в одном месте, вероятно, в юго-западном углу могильной ямы, С.Н. Дурьлин отметил вертикальную волокнистость древесных остатков, что, возможно, указывает на наличие столбов» [Андроновская культура, 1966, с. 33]. Курган №7 могильника Урефты-I (Южное Зауралье) содержал две могилы с кремированными останками. По мнению исследователей, это были два одновременных захоронения, сделанных в общем углублении. В могиле 1 у южной стенки обнаружены остатки двух березовых бревен, стоявших вертикально [Стефанов, Днепров и др., 1983, с. 159–161].

Намного реже столбовые конструкции встречаются в федоровских погребениях по способу ингумации. Такие погребения обнаружены в основном в Кузнецкой котловине (Титово, Васьково-5) и на Среднем Енисее (Каменка-II, Орак, Усть-Ерба). Материалы некоторых из них позволяют определить местонахождение столба по отношению к костяку и половозрастную принадлежность погребенного. Погребение из кургана №4 могильника Титово содержало захоронение мужчины в возрасте около 25 лет головой на ЮЗ. У юго-западного края ямы, почти посередине, обнаружены остатки деревянного столба, уходящего вглубь до перекрытия, фрагменты верхней части находились на глубине 1,2 м (при общей глубине ямы 1,7 м). В могиле 4 кургана №6 того же могильника на дне находился костяк мужчины в возрасте 50–60 лет головой на ЮЗ. Возле юго-западной стенки по центральной оси ямы находились остатки столба диаметром 0,1 м, высотой 1,1 м. В кургане №1 могильника Васьково-5 обнаружены два подобных погребения. В могиле 1 захоронен мужчина головой на ЮЗ. В юго-западной части могилы находился вертикальный столб диаметром 0,08 м и длиной 1,2 м. Могила 2 содержала два костяка – мужчины и женщины, оба головой на ЮЗ. В юго-западной части ямы находились остатки деревянного столба, верхняя часть которого оказалась выше уровня материка на 0,11 м. Столб уходил вглубь могилы до деревянного перекрытия. Могила из кургана №2 содержала захоронение мужчины головой на ЮЗ. По центру, около юго-западной стенки, сохранились остатки деревянного столба диаметром 0,12 м и длиной 0,80 м. Нижняя часть столба доходила до перекрытия [Бобров, Михайлов, 1989, с. 13, 18, 27–29]. Таким образом, погребения с ингумацией позволяют установить, что столбы помещались в головах умерших мужского пола в возрасте от 25 до 50–60 лет, т.е. это люди зрелого и старшего возраста.

На Среднем Енисее подобные погребения встречаются намного реже. Кроме того, они менее информативны и менее однородны по составу погребенных. В могильнике Орак столбы зафиксированы в двух погребениях с труположением, но нет сведений о расположении столба относительно костяка. Могила 5 содержала захоронение женщины в сопровождении украшений. В могиле 8 обнаружено захоронение мужчины 35–40 лет [Комарова, 1961, с. 34–35]. В могильнике Каменка-II столбы зафиксированы во всех трех погребениях ограды 24. В могиле 1 в юго-западной части стоял вертикальный столб диаметром 8–10 см, сохранившийся на высоту 1,8 м, который несколько не доходил до перекрытия сруба. В ней была захоронена женщина 35–40 лет,

лежащего головой на ЮЗ. В могиле 2, в юго-западной части, зафиксирован столб диаметром 15–20 см, сохранившийся на высоту 1,8 м. На дне – скелет мужчины 30–35 лет, головой на ЮЗ. В могиле 3, в юго-западной части, сохранились остатки столба диаметром 8–10 см, сохранившийся на высоту 1,8 м. В могиле захоронены женщина 20–25 лет головой на ЮЗ и ребенок [Максименков, 1978, с. 42]. Создается впечатление, что на Енисее столбы связаны как с захоронением мужчин, так и с захоронением женщин. Но существует и другое мнение. В.В. Бобров считает, что на Енисее погребения со столбами связаны в основном с захоронением мужчин. Он отмечает, что «... для среднеенисейских памятников этот факт устанавливается по орнаментации посуды, отражающей половой диморфизм» [Бобров, 1992, с. 55].

В ходе сопоставления погребений по обряду кремации и ингумации, содержащих вертикально установленные столбы, обращает на себя внимание следующая особенность. Среди погребений с кремацией преобладают коллективные захоронения, а среди погребений с ингумацией – одиночные.

Для интерпретации этого обряда представляется возможным привлечь сведения из древнеиндийской «Питримедхасутры» Баудхаяны, которые приводятся в работе Е.Е. Кузьминой [2008, с. 140] и в рецензии С.В. Кулланды [2010, с. 204] на английское издание этой книги. Если дважды рожденный (к этой категории населения относилась и варна воинов-кшатриев. – С.С.) умирал на чужбине, то собирали 33 кости разных частей скелета, заворачивали их в шкуру черной козы и транспортировали на родину, где и совершали обряд кремации. Таким образом, зафиксированный в андроновских погребениях с вертикальными столбами обряд кремации может свидетельствовать о принадлежности этих захоронений воинам, погибшим на чужбине, отдельные кости которых были доставлены на родину для совершения ритуала кремации. Дополнительным подтверждением принадлежности подобных погребений воинам являются находки в кургане №7 могильника Урефты-I, который содержал два одновременных захоронения с кремацией, сделанных в общем углублении. В каждой из могил найдено по бронзовому двулезвийному ножу, а в могиле 1 к тому же обнаружены у южной стенки остатки двух березовых бревен, стоявших вертикально [Стефанов, Днепров и др., 1983, с. 159–161].

Не исключен и другой вариант: «андроновцы» сжигали тело умершего воина на чужбине, а на родину доставлялись уже кремированные останки. Это положение может быть подтверждено характером находок кремированных костей в могильнике Юрман-I. Так, в могиле 1 кургана №1, где находились прах двух кремированных людей и два столба, «в момент раскопок трупосожжения представляли собой овальные в плане (размером 0,5х0,3 м) скопления мелких фрагментов кальцинированных костей, золы и угля, очевидно первоначально помещенные в специально сделанные деревянные обкладки, от которых на дне камер сохранились деревянные плашки, ограничивающие место, куда были положены кремированные останки». В могиле из кургана №3 того же памятника обнаружено одно трупосожжение, помещенное между двумя деревянными плашками [Савинов, Бобров, 1995, с. 85]. В кургане №10 могильника Ур в обеих могилах кальцинированные кости располагались на берестяной подстилке. Возможно, деревянные плашки и берестяные подстилки представляли собой фрагменты емкости, в которой кремированные останки воина транспортировались для захоронения на родине. Кроме того, для транспортировки кремированных остан-

ков могли использоваться и сосуды, устанавливаемые в погребениях. Это предположение подтверждается фактами обнаружения в некоторых сосудах остатков кремации. Так, в могильнике Ур (могила 1, курган №11) между двумя вертикально установленными столбиками был найден горшок с небольшим количеством пепла и сожженных костей человека. Помещение кремированных останков в сосуд встречается и в тех федоровских могильниках, где вертикально установленные столбы не зафиксированы (прежде всего это памятники Центрального Казахстана). В ограде №3 могильника Шет-I в одном из погребений кремированные кости были помещены в сосуд. В ограде №10 могильника Сангру II в грунтовой яме найдена нижняя часть сосуда, заполненная кальцинированными костями [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 90, 109]. В могильнике Уйтас-Айдос (могила 4, ограда №2) в юго-западном углу погребальной камеры стоял сосуд, наполовину заполненный утрамбованными кремированными костями, а вдоль южной стенки располагалась антропоморфная выкладка из обожженных костей [Усманова, Варфоломеев, 1998, с. 47]. В могильнике Бурлук-I (Северный Казахстан) в ограде №9 под камнями в ямке найден развал сосуда с пережженными костями [Зданович, 1988, с. 87].

Возможно, для этой же цели – транспортировки кремированных останков на родину – служили и глиняные блюда подпрямоугольной формы, нередко с выступами по углам. Они характерны для погребений с кремацией западных районов распространения андроновского (федоровского) населения. В погребении из кургана №6 могильника Сухомесовский (Южное Зауралье) в западной части могилы находилось глиняное блюдо с вертикальными выступами-ручками. В блюде в смеси с землей, заполнявшей могилу, найдено около 20 мелких кусочков горелых человеческих костей [Андроновская культура, 1966, с. 33].

В таком случае вполне объяснимым становится коллективный характер погребений с кремированными останками. Вероятно, в ходе военных походов или набегов нередко погибало сразу несколько воинов, поэтому при возвращении на родину устраивались коллективные похороны погибших.

Для интерпретации находок вертикальных деревянных столбов в андроновских (федоровских) погребениях с кремацией представляется возможным привлечь аналогии из культуры индоиранских народов, так как индоиранская принадлежность андроновского, синташтинского и петровского населения сейчас признается большинством исследователей. У ведийских ариев существовал ритуал *ваджанея*, включающий гонку на колесницах, во время которой жрец-брахман вращал по ходу солнца колесо, насаженное на вкопанный в землю шест. Другим значимым моментом этого ритуала было восхождение царя по ступенькам на жертвенный столп – *юпа*. Рукой он должен был коснуться наверху столба в форме колеса и провозгласить: «Мы достигли неба» [Альбедиль, 2005, с. 168; Васильков, 1996, с. 105]. В «Ригведе» имеется следующее описание жертвенных столбов (III, 8, 10): «Они выглядят, как рога рогатых (животных), / Столбы с навершиями, (стоящие) на земле. / Прислушиваясь к переключке жрецов, / Пусть помогут они нам в состязаниях!». Б.Л. Огибенин [1968, с. 83] в комментарии к этому тексту отмечает, что на вершину жертвенного столпа насаживалась круглая капитель. Связь столба с ритуалом, включавшим такой вид состязаний, как гонка на колесницах, позволяет предполагать, что жертвенный столб, с укрепленным на вершине колесом когда-то служил для передачи образа символической колесницы,

которая, соответственно, выполняла функции мировой оси и помогала просьбам жертвователей достичь Неба.

Возвращаясь к андроновской (федоровской) традиции, можно предположить, что в погребениях на перекрытие не просто устанавливался столб, но на его вершину во время отправления ритуала укреплялось колесо или его символ, и все сооружение воспринималось как символическая колесница, помогающая душе погибшего воина достичь Неба. В пользу этого утверждения свидетельствует факт принадлежности андроновских могил с вертикально установленными объектами погребенным мужского пола. Не исключено, что эта традиция восходит еще к обрядовой практике синташтинского и петровского населения (генетических предшественников андроновского), для которой было характерно помещение в могилы воинов частей реальной колесницы. По-видимому, со временем у андроновского населения образ колесницы в ритуале становится все более символическим. Постепенно он утрачивает сходство с реальным объектом и приобретает вид жертвенного столба, на вершине которого, возможно, укреплялось колесо или его символ.

Возможен и другой вариант толкования, учитывающий связь погребений с вертикально установленными столбами и обрядом кремации. В ходе кремации происходило уничтожение облика умершего. Столбы использовались для восстановления утраченного образа, на них во время отправления ритуала размещались одежда, украшения или оружие погибшего воина. Таким образом, столб с вещами служил заместителем умершего во время отправления ритуала. Вероятно, для этой же цели «андроновцы» прибегали к антропоморфизации кремированных останков [Сотникова, 2007, с. 7–11]. По-видимому, здесь мы имеем дело со «скрытой» стороной или с «археологией ритуала», по выражению Д.Г. Савинова, который отмечает, что «изучение погребальных комплексов, наряду с материальным выражением культуры, иначе говоря – «археологией артефакта», неизбежно сталкивается с еще одной, скрытой стороной археологических исследований, условно определяемой как «археология ритуала». Она в значительно меньшей степени обеспечена вещественными материалами и может быть восстановлена только в реконструированном виде и то, как правило, предположительно» [Савинов, 2013, с. 42]. Но кремация не только уничтожала облик человека, она отделяла смертную телесную оболочку от бессмертной души-дыхания. Вертикальные столбы служили для воплощения того пути, по которому бессмертная душа могла достичь неба.

***Образ символической погребальной колесницы:
карасукская культура***

На территории южной части Западной Сибири представляется возможным проследить дальнейшее развитие андроновской традиции создания символической погребальной колесницы. Эта традиция получает развитие в памятниках карасукской культуры, сформировавшейся при участии андроновского (федоровского) населения этого региона. Одним из наиболее ярких и сложных памятников эпохи поздней бронзы Среднего Енисея являются погребальные петроглифы с изображением различных типов колесниц и повозок. Как правило, подобные петроглифы являлись частью надземных или подземных каменных погребальных сооружений и, по мнению Е.Е. Филипповой [1992, с. 90], «выполняли определенную смысловую нагрузку во время сложных ритуалов, связанных с погребальным обрядом племен карасукской эпохи». Наиболее

выразительные находки были сделаны в могильнике Хара хая (XII–X вв. до н.э.). Сложная композиция из погребальных колесниц была представлена на небольшой плитке от разрушенного каменного перекрытия погребальной камеры. Центральное место на ней занимает плановое изображение распряженной колесницы с двумя небольшими платформами овально-вытянутой формы и четырьмя отсеками. Первая платформа расположена по центру колесной оси, концы которой завершаются небольшими круглыми четырехспицевыми колесами. Вторая выдвинута немного вперед, соединена с первой, и от нее отходит короткое прямое дышло. Перед колесницей находится схематическое изображение антропоморфной фаллической фигуры. Е.Е. Филиппова считает, что наличие второй платформы по-иному определяет функциональное назначение колесницы. Фигура умершего человека и колесница объединены сложным ритуалом, связанным с той частью погребального обряда, который предшествует погребению, а сама колесница является ритуальной повозкой. Более того, Е.Е. Филиппова [с. 90, 92] приходит к заключению, что все погребальное сооружение, где обнаружена плита с рисунками колесниц, связано с погребением воина-колесничего.

Другая каменная плита с изображениями колесниц карасукской эпохи была найдена в переиспользованном состоянии на одном из курганов раннетагарского могильника близ улуса Нижняя База (Хакасия). На плите четко различимы изображения трех колесниц-двуколок. Они показаны следующими друг за другом от правого нижнего к левому верхнему углу. Все колесницы распряжены и имеют дышла с треугольными распорками. Нижняя – легкая колесница с большими колесами с четырьмя спицами. Следующая – большая тяжелая колесница на маленьких дисковидных колесах. Верхняя колесница представляет собой как бы промежуточный вариант между двумя предыдущими: показана площадка легкой повозки и маленькие дисковидные колеса тяжелой. С.Н. Леонтьев [2000, с. 12–13] считает, что «здесь изображены три типа одноосных колесниц карасукской эпохи – легкая, средняя и тяжелая. Они выполнены в единой стилистической манере и, возможно, связаны одним сюжетом. При первоначальном положении плиты колесницы были направлены вертикально вверх, от земли к небу.

Таким образом, со временем образ погребальной колесницы становится все более символичным, что нашло выражение в изображении лошади на плите оградки №3 могильника Самара с андроновской (федоровской) могилой, а в дальнейшем – в изображении колесниц на каменных плитах погребальных сооружений в карасукских памятниках. По-видимому, в андроновский и карасукский периоды такие погребальные комплексы также были связаны с захоронением воинов-колесничих, а символическая погребальная колесница служила средством отправления души умершего в верхний мир.

***Традиция вертикальной направленности ритуала:
ирменская культура и культуры оленных камней***

Дальнейшее развитие андроновская традиция установки в погребения вертикальных столбов получила, по мнению В.В. Боброва [1992], в эпоху поздней бронзы в памятниках ирменской культуры, сформировавшейся при участии андроновского населения. В ирменских могильниках Кузнецкой котловины (Журавлево-IV, Танай-VII) представлена значительная серия камней-обелисков, которые имеют разную форму, но выделяются два устойчивых типа – прямоугольные плиты со скошенной вершиной

и круглые в сечении с приостренной вершиной. Их устанавливали на покрытие возле той стенки, где была расположена голова умершего. Обнаружены они только в погребениях мужчин от 25 до 35 лет. В.В. Бобров [1992, с. 55–57] считает, что те из них, которые имеют вид круглых столбов, могут восходить еще к андроновским деревянным столбам. В свою очередь, андроновские деревянные столбы и ирменские камни-obelisks обоих типов исследователи сопоставляют с «оленными» камнями [Бобров, 1992, с. 57; Савинов, Бобров, 1995, с. 88]. Однако, как отмечает В.В. Бобров [1999, с. 22], в ирменских комплексах преобладают плоские камни со скошенной вершиной к узкой стороне, которые однотипны по форме камням-obelisks, зафиксированным в ряде курганов «раннескифского» времени Горного Алтая (Тыткескень-VI, кург. 55; Бийке, кург. 9, 17, 19, 20, 24).

Значительно более близкое сходство с андроновскими столбами имеет обломок круглого в сечении «оленного» камня, обнаруженный в кургане Аржан. Он найден среди камней, образовавших насыпь кургана, посередине камеры 34а, поверх остатков потолка [Грязнов, 1980, с. 39–41, рис. 29.-2]. Как отмечают исследователи, этот «оленный» камень необычен по форме и размерам. Он является средней частью сломанной столбообразной стелы правильной цилиндрической формы. Его диаметр равен 18 см, а длина – 30 см. По-видимому, вся длина камня составляла около 1 м. Он обработан со всех сторон и напоминает круглый деревянный столб. М.Е. Килуновская и Вл.А. Семенов [1998, с. 147–148] высказали предположение, что именно это обстоятельство натолкнуло М.П. Грязнова на мысль, что первые «оленные» камни делались из дерева. М.П. Грязнов [1978, с. 15; 1980, с. 54–55] написал по этому поводу следующее: «Оленный камень Аржана принадлежит, видимо, к ранним антропоморфным стелам Тувы и Монголии. Можно предполагать, что древнейшими были круглые столбообразные стелы, имитирующие изображения воинов и первоначально изготовлявшиеся из круглых стволов дерева». Он считал, что рисунки на них первоначально наносились краской [Грязнов, 1984, с. 78–79].

Представляет несомненный интерес тот факт, что в могильнике Аржан имелись и вертикально установленные деревянные столбы. К.В. Чугунов [2007] отмечает, что в публикацию материалов раскопок этого кургана было помещено незначительное количество чертежей и фотографий. При работе в научном архиве ИИМК РАН им были обнаружены данные, имеющие непосредственное отношение к рассматриваемой теме. В камерах 29 и 31 находились два вкопанных деревянных столба. Эти камеры расположены одна за другой к северо-востоку от центрального сруба, при этом в клетке 31 кроме лошадей найдены две колоды с погребенными людьми – могилы 15 и 16. К.В. Чугунов [2007, с. 110] считает, что вертикальные столбы, вкопанные один за другим радиально относительно центра, могли являться стелами, аналогичными по смысловой нагрузке «оленным» камням. «Если допустить, что круглый в сечении оленный камень стоял в центре над основной погребальной камерой, то картина радиального ряда стел будет полной».

Л.С. Марсадоловым [2005] был изучен комплекс ритуальных кольцевых выкладок у горы Кош-Пей (Уюкская котловина), в котором открыты четыре ямы диаметром 55 см и глубиной 80 см, в одной из которых были остатки деревянного столба. В остальных, по предположению исследователя, должны были стоять оленные камни, которые найдены на склонах этой горы [Марсадолов, 2005, с. 301–311]. Подобный ритуальный

комплекс исследован под горой Чарга (правобережье Улуг-Хема). Цепочка из семи ритуальных кольцевидных выкладок была вытянута по линии Ю–С. К западу от одной из выкладок лежал «оленный» камень. Эта выкладка была раскопана, и в центре обнаружены остатки деревянного столба. К востоку найдено основание еще одного «оленного» камня. Исследователи относят ритуальный комплекс и «оленный» камень к «раннескифскому» времени – VIII–VII вв. до н.э. [Килуновская, Семенов, 2014, с. 38–39].

Сходство «оленных» камней с андроновской традицией проявляется также в семантическом плане. Большинство исследователей признается, что на «оленных» камнях запечатлен образ мужчины-воина. Как отмечал М.П. Грязнов [1984, с. 76], «основной сюжет изображений на оленных камнях – фигура воина, вероятно, героя-воина, весьма условно, схематически показанная. На столбообразном камне, круглом, овальном или прямоугольном в сечении, совершенно отсутствуют детали человеческой фигуры. Обычно нет и намек на голову, плечи, шею, руки, ноги. Линиями, полосами, кружками намечены лишь части одежды и оружие... На месте лица – три или две косые черточки». Д.Г. Савинов [1994, с. 147] отмечает, что «оленные камни несомненно изображают человека, причем, судя по наклонным параллельным линиям на лицевой стороне, мертвого человека, т.е. существующего в «другом» измерении. Вполне вероятно, что в этом плане они могли ассоциироваться с самими покойными, представляя их ипостась после пересечения грани, разделяющей мир живых и мертвых. В то же время это не просто изображение человека, а сакрализованный образ...».

Однако, в отличие от андроновской традиции в культурах, связанных с установкой «оленных» камней, захоронения совершены по обряду ингумации. Но, вероятно, представление о смерти как разрушении образа и необходимости его восстановления в погребальном ритуале сохранялось. Для этой цели «андроновцы» прибегали к антропоморфизации кремированных останков либо деревянных столбов с помощью реальной одежды, украшений, оружия, а создатели «оленных» камней – к антропоморфизации каменных стел. В то же время «оленные» камни как бы совмещали в себе две ипостаси умершего – антропоморфный облик, связанный с телесной оболочкой, и вертикальную ось, передающую движение бессмертной души в верхний мир. Особый акцент на вертикальную направленность ритуала в погребениях, связанных с захоронением воинов, может быть связан с представлениями о существовании особого небесного «рая» для воинов, погибших в бою, наподобие скандинавской Вальгаллы [Мелетинский, 1997, с. 212].

Связь «оленных» камней с погребальным культом не вызывает сомнения, однако форма их участия в ритуале могла быть различной. Функциональное назначение «оленных» камней, установленных на площади курганов, по мнению Д.Г. Савинова [1994, с. 147], заключалось в том, что «... они олицетворяли собой вертикальную «ось» мира и были предназначены для передачи регламентированных ритуалом ценностей и жертвоприношений».

А.А. Ковалев, И.В. Рукавишников, Д. Эрдэнэбаатар [2014, с. 50–51] на основании изучения оленных камней из Центральной и Западной Монголии приходят к выводу, что «оленные камни использовались в качестве кенотафов – памятников, изображающих реальных людей, по каким-то причинам не погребенных в курганах-херексурах».

Исследования последних лет, прежде всего на алды-бельском могильнике Бай-Даг-8 (курган №1), выявили традицию горизонтального расположения оленных камней.

Основу кургана составляли три округлые ограды из вертикально установленных каменных плит, в пределах которых осуществлялись захоронения. На площади центральной ограды №2 обнаружены два «оленных» камня, уложенные горизонтально на древнюю дневную поверхность, «верхней» частью направленные на восток [Ковалев, Рукавишникова, Эрдэнэбаатар, 2014, с. 51–52]. Значительный интерес представляет наблюдение, что «камни не имеют следов установки вертикально и были явно уложены намеренно и перекрыты насыпью в момент завершения комплекса центрального сооружения» [Рукавишникова, 2013, с. 219]. Как отмечают исследователи, «при сооружении насыпи, «запечатавшей» погребальные площадки, оленные камни были «отправлены в мир иной» вместе с реально погребенными в кургане людьми» [Ковалев, Рукавишникова, Эрдэнэбаатар, 2014, с. 53]. Однако в этом случае мы, вероятно, имеем дело со «скрытой» стороной ритуала. Поэтому нельзя исключать предположения, что во время совершения погребально-поминальных обрядов с использованием этих изваяний они могли быть установлены в вертикальном положении.

Таким образом, ирменские камни-obelisks свидетельствуют о том, что андроновская традиция установки вертикальных деревянных (реже каменных) столбов в погребениях мужчин-воинов оказалась довольно устойчивой во времени. Вопрос о генезисе «оленных» камней пока остается открытым. Однако мнения большинства исследователей сходятся в том, что «оленные» камни служили для воплощения образа погибшего воина. В связи с этим несомненный интерес представляет точка зрения Д.Г. Савинова [1994], который возводит генезис «оленных» камней второй группы (по его же классификации), связанных непосредственно с погребениями, к андроновской традиции. В частности, он отмечает, что «... глубинные истоки семантики оленных камней, найденных в погребениях (или установленных на площади курганов около погребений), следует искать (через андроновские прототипы) в индоиранской мифологии и культовой практике» [Савинов, 1994, с. 143, 146, 150].

Заключение

Пути формирования и трансформации традиции вертикальной направленности погребального ритуала в среде андроновского населения, по-видимому, имели отношение к захоронению воинов. В синташтинских и петровских погребальных комплексах эта традиция связана с захоронением воинов-колесничих. Образ погребальной колесницы передается помещением частей реальной колесницы, но уже появляется тенденция к символизации, когда погребальная камера выступает как кузов символической колесницы, упряжкой для которой служит пара целых костяков лошадей в верхнем заполнении или рядом с ямой. В синташтинско-петровский период вектор ритуала постепенно смещается от горизонтальной проекции к вертикальной. Со временем образ погребальной колесницы становится все более символическим. Условно можно выделить два основных направления символизации.

Первый вариант представлен материалами ограды №3 андроновского (федоровского) могильника Самара (Центральный Казахстан) и карасукскими памятниками, где изображение лошади или колесниц наносилось на плиты оградки или погребального сооружения.

Второй вариант представлен андроновскими (федоровскими) погребениями с вертикально установленными деревянными столбами и остатками кремации, проис-

ходящими в основном из могильников юга Западной Сибири. По-видимому, со временем у андроновского населения образ колесницы утрачивает сходство с реальным объектом и приобретает вид жертвенного столба, на вершине которого, возможно, укреплялось колесо или его символ. Возможен и другой вариант толкования, учитывающий связь погребений с вертикально установленными столбами и обрядом кремации. Можно предположить, что столбы служили для восстановления уничтоженного огнем образа, и на них во время отправления ритуала размещались одежда, украшения или оружие погибшего воина. Таким образом, столб с вещами служил заместителем умершего во время отправления обряда. Вероятно, эта традиция, связанная с антропоморфизацией столба, получила дальнейшее развитие в ирменских камнях-obelisks и «оленных» камнях.

Библиографический список

- Альбедиль М.Ф. Игровое начало в индуизме // Игра и игровое начало в культуре народов мира. СПб. : МАЭ РАН, 2005. С. 155–170.
- Андроновская культура. Памятники западных районов // САИ. 1966. Вып. В 3–2. 144 с.
- Блохин А.А. Некоторые особенности андроновского погребального обряда (по материалам могильника Фирсово XIV) // 275 лет сибирской археологии. Красноярск : Универс, 1997. С. 51–53.
- Бобров В.В. К проблеме вертикально установленных объектов в погребениях эпохи бронзы Сибири и Казахстана // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб. : ИИМК РАН, 1992. С. 54–57.
- Бобров В.В. К проблеме историко-археологического развития в начале I тыс. до н.э. на территории Южной Сибири // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 20–23.
- Бобров В.В., Михайлов Ю.И. Памятники андроновской культуры Обь-Чулымского междуречья. Кемерово, 1989. 199 с. (Рукопись депонирована ИНИОН, №38518 от 26.06.1989).
- Васильков Я.В. Ваджапея // Индуизм. Джайнизм. Сикхизм. Словарь. М. : Республика, 1996. С. 105.
- Виноградов Н.Б. Кулевчи VI – новый алакульский могильник в лесостепях Южного Зауралья // Советская археология. 1984. №3. С. 136–153.
- Гей А.Н. О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. М. : Восточная литература, 1999. С. 78–113.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В. Синташта: археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск : Южно-Урал. книж. изд-во, 1992. 408 с.
- Грязнов М.П. К вопросу о сложении культур скифо-сибирского типа в связи с открытием кургана Аржан // КСИА. 1978. Вып. 154. С. 9–18.
- Грязнов М.П. Аржан. Царский курган раннескифского времени. Л. : Наука, 1980. 64 с.
- Грязнов М.П. О монументальном искусстве на заре скифо-сибирских культур в степной Азии // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Искусство, 1984. Вып. 25. С. 76–82.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск : Урал. ун-т, 1988. 184 с.
- Зданович Д.Г. Куприянова Е.В. Лошади и близнецы: к «археологии ритуала» Центральной Евразии эпохи бронзы // Аркаим-Синташта: древнее население Южного Урала: к 70-летию Г.Б. Здановича. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2010. С. 130–161.
- Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки (по материалам Северной Бетбак-Далы). Алма-Ата : Гылым, 1992. 247 с.
- Килуновская М.Е., Семенов Вл.А. Оленные камни Тувы (часть I – новые находки, типология и вопросы культурной принадлежности) // Археологические вести. 1998. №5. С. 143–154.
- Килуновская М.Е., Семенов В.А. Оленные камни в погребальном обряде скифских культур Тувы // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 36–40.

Ковалев А.А., Рукавишникова И.В., Эрдэнэбаатар Д. Оленные камни – это памятники-кенотафы (по материалам новейших исследований в Монголии и Туве) // Древние и средневековые изваяния Центральной Азии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2014. С. 41–54.

Ковтун И.В. Андроновские погребения Урского могильника из раскопок Ф.И. Александрова (К открытию первого андроновского памятника в Кузнецкой котловине) // Методология и историография археологии Сибири. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1994. С. 122–133.

Ковтун И.В. Нонфигуративность андроновского искусства: идеи, факты, интерпретации // Известия Алтайского государственного университета. 2008. №4/4 (60). С. 95–101.

Комарова М.Н. Памятники андроновской культуры близ улуса Орак // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л. : Гос. Эрмитаж, 1961. Вып. 3. С. 32–73.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. М. : Летний сад, 2008. 558 с.

Кукушкин А.И. Курганы Центрального Казахстана с колесничной атрибутикой // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2006а. С. 47–51.

Кукушкин А.И. Могильник Аяберген – раннеандроновский памятник Центрального Казахстана // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар : НПФ «Эко», 2006б. Вып. 2. С. 50–69.

Кулланда С.В. Рец. на: Е.Е. Kuzmina. The Origin of the Indo-Iranians. Ed. by J.P. Mallory. Leiden Indo-European Etymological dictionary Series. Ed. By Lubotsky. Vol. 3. Leiden ; Boston : Brill, 2007. XVIII + 762 p. // Вопросы древней истории. 2010. №3. С. 202–211.

Леонтьев С.Н. Новые изображения колесниц карасукской эпохи из Хакасско-Минусинской котловины // Вестник Сибирской ассоциации исследователей первобытного искусства (САИПИ). 2000. Вып. 2. С. 12–13.

Максименков Г.А. Андроновская культура на Енисее. Л. : Наука, 1978. 192 с.

Марсадалов Л.С. «Оленные» камни из поселка Аржан в Центре Азии // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. М. : ИА РАН, 2005. С. 301–311.

Мелетинский Е.М. Вальхалла // Мифы народов мира. М. : Российская энциклопедия, 1997. Т. 1. С. 212.

Огибенин Б.Л. Структура мифологических текстов «Ригведы» (ведийская космогония). М. : Наука, 1968. 115 с.

Оразбаев А.М. Северный Казахстан в эпоху бронзы // Труды ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1958. Т. 5. С. 216–294.

Рахимов С.А. Андроновская стоянка и могильник на р. Сыде (Красноярский край) // КСИА. 1968. Вып. 114. С. 70–75.

Рукавишникова И.В. Архитектура и последовательность сооружения ритуально-погребального комплекса алдыбельской культуры // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 217–221.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. СПб. : СПбГУ, 1994. 208 с.

Савинов Д.Г. О «скрытой» стороне южносибирской археологии // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2013. С. 42–46.

Савинов Д.Г., Бобров В.В. Курганы андроновской культуры могильника Юрман-1 в Западной Сибири // Археологические вести. 1995. №4. С. 83–90.

Сотникова С.В. О формировании традиции трупосожжения в алакульском погребальном обряде // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. Павлодар : НПФ «Эко», 2006. Вып. 2. С. 81–87.

Сотникова С.В. Андроновский (федоровский) погребальный обряд: реконструкция способов обращения с кремнированными останками // Северный регион: наука, образование, культура. Сургут : Изд-во СурГУ, 2007. №2 (16). С. 7–15.

Стефанов В.И., Днепров С.А., Корочкова О.Н. Курганы могильника Урефты-1 // Советская археология. 1983. №1. С. 155–166.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. Ч. 1. 289 с.

Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень : ТюмГНГУ, 2002. Ч. 2. 243 с.

Уманова Э.Р., Варфоломеев В.В. Уйтас-Айдос – могильник эпохи бронзы // Вопросы археологии Казахстана. Алматы ; М. : Гылым, 1998. Вып. 2. С. 46–60.

Филлипова Е.Е. Изображение ритуальной колесницы карасукской эпохи из могильника Хара хая // Северная Евразия от древности до средневековья. СПб. : ИИМК РАН, 1992. С. 89–92.

Чугунов К.В. Оленные камни и стелы в контексте элитных комплексов Саяно-Алтая // Каменная скульптура и мелкая пластика древних и средневековых народов Евразии. Барнаул : Азбука, 2007. С. 109–113 (Труды САИПИ. Вып. 3).

S.V. Sotnikova

FORMATION OF TRADITION OF THE VERTICAL DIRECTION OF THE FUNERAL RITUAL ON THE TERRITORY OF THE EURASIAN STEPPES IN THE BRONZE AGE

Ways of formation and transformation of the tradition of the vertical direction of the funeral ritual among the Andronovo population, apparently, were related to the burial of warriors. In Sintashta's and Petrovka's burial complexes, this tradition has been associated with the burial of warriors-charioteers. The image of the burial chariot transmitted the placement of the parts of real chariot. Over time the image of the chariot becomes more symbolic. It is conditionally possible single out two main directions of symbolization. The first variant is presents the materials of the Andronovo's (Fedorovo's) burial site Samara and the Karasuk's burial sites, where the images of horses or chariots were applied on plates of fences or burial building. The second variant is presents the Andronovo's (Fedorovo's) burials with vertically mounted wooden pillars. The image of the chariot loses similarity with the real object and takes the form of a sacrificial pillar, on top of which was strengthened the wheel or its symbol. There is another interpretation that takes into consideration the bond between the burials with vertically mounted pillars and the ritual of cremation. It is not excluded that during the ritual took place the anthropomorphism of the pillar with the help of the real things, that was further developed in Irmen stones-obelisks and deer stones.

Keywords: Eurasian steppe, Bronze Age, the Sintashta, Petrovka type sites, Andronovo (Fedorovo) culture, Karasuk culture, Irmen culture, funeral rite, chariot, cremation.